Мурзилка

ЯНВАРЬ
№ 1
1977

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

Мурзилка

№ 1
ЯНВАРЬ
1977

Про товарищей,
про крючки,
про хорошее настроение
рассказывают Вовка
и писатель Ю. Щербаков.

В НОМЕРЕ

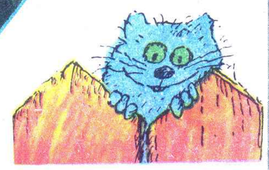
Шестиглазый аппарат!
О съёмках Земли из космоса
написал для вас В. Губарев.

Скорее читайте о том,
как морской Бычок
Лисичку обидел!!!
Эскимосская сказка.

С этого номера начинается «Плавание на «Одуванчике». Писатель Ю. Коваль строит самую лёгкую лодку в мире.

Не только Бармалея, но и всех других героев сказки «Доктор Айболит» нарисовал для вас художник В. Дувидов.

Говорят ему коты:
— Слушай, кот!
А кот ли ты?..



Читайте стихотворение В. Лифшица.

© «Мурзилка», 1977 г.

НАШ ГОСТЬ

Лев КУЗЬМИН

Кто-то в полночь у крылечка
Тихо взялся за колечко
И стучится к нам: тук-тук!
Мы кричим ему: — Кто тут?

И весёлый звонкий голос
Отвечает: — Это я!
Новый год на звездолёте
Прибыл в здешние края.

Мы смеёмся. Мы не верим:
— Это мы сейчас проверим!
Если ты на самом деле
Настоящий Новый год,
Так скажи-ка поскорее:
Что же в будущем нас ждёт?

— Ждёт вас всё хорошее:
Солнышко погожее,
Ёлка, саночки, снежки
Да отличные дружки!

А ещё наступит скоро
День рожденья всей страны,
И, конечно, этот праздник
Славно встретить вы должны.

Встретить не словами,
А добрыми делами:
Должны учиться вы на «пять»
И дома маме помогать...

Мы распахиваем двери:
— Вот теперь тебе мы верим!
Всё ты знаешь наперёд,
Ты и вправду Новый год!
Угадал ты очень точно:
Дела много впереди.
Поднимайся на крылечко,
Тут не заперто... Входи!

Рис. С. ДЕНИСОВА

ВОВКИНЫ РАССКАЗЫ

Ю. ЩЕРБАКОВ *Рис. Б. ДИОДОРОВА*

ПРО ТОВАРИЩЕЙ

Знаете, сколько у меня товарищей? Двадцать! И даже больше! В классе, например, Колька Кобычев. Мы с ним на одной парте сидим. Мне даже недавно из-за него по немецкому двойку вкатила учительница. Скажете, почему? А вы сами попробуйте-ка не смотреть в ту сторону, куда прямо-таки невозможно не смотреть. Я пробовал. Я старался смотреть, наоборот, на учительницу и даже повторял вслед за ней со всем классом новые слова. А в это время Колька рисовал в тетрадке человечков. Он здорово рисует. Сидит серьёзный, а рисует очень смешные рожи. А тут ещё он стал Зайца с Волком рисовать из «Ну, погоди!». Вот где чудо-то! Я как увидел, забыл про немецкие слова и стал смотреть. Смотрел-смотрел, да как рассмеюсь! Вот и двойка!..

С Колькой мы очень дружим. Гулять заходим друг за другом. Чаще всего он заходит. Тогда я быстро откладываю книжки и собираюсь. А бабушка говорит:

— Ты куда? А уроки?

Я отвечаю:

— Всё готово!

Я ведь на самом деле как будто всё выучил. Чего же ещё? А бабушка спрашивает:

— Задачки порешал?

Почему-то я забываю про задачки, а бабушка помнит...

Знаете, как неохота оставаться, когда уже собрался бежать! И вот приходится решать задачки.

Колька садится на стул и ждёт. Он ничего мне не подсказывает. Он сам не знает, как их решать.

Ребята уже, наверное, собираются у двора.

У меня много товарищей. Только бабушка говорит, что я готов из-за товарищей колы и двойки получать, и говорит, чтобы я поменьше бегал. А я так не могу. Я как вырвусь — играю до самого вечера.

Двоек у меня нет, кроме той, что по немецкому языку. Но это, наверное, потому, что бабушка меня гулять не пускает, пока я всё не выучу.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Папа дал мне двадцать копеек на ириски. Я побежал в магазин, купил ирисок. Иду возле домов, ем ириски, а сам по сторонам смотрю. Вижу — впереди меня человек идёт с продуктовой сеткой. Конечно, из магазина идёт. В сетке у него кульки. Но сетка была худая — и вот вываливается из неё красивая пачка в блестящей обёртке и падает на дорогу.

Человек не заметил, идёт себе да идёт. Я подбежал, взял эту пачку, понюхал. Хорошо пахнет.

Написано на пачке: «Чай». Грузинский, наверное, потому что там ещё были какие-то буквы вилюшками, я их не знаю.

Я крикнул:

— Дяденька! Чай потеряли! Чай потеряли!

Догнал и отдал ему пачку. Дяденька был старенький, усы седые у него. Скорее дедушка, а не дяденька. Посмотрел он на меня внимательно сквозь очки, сказал: «Спасибо» — и ещё сказал, что я молодец.

Я очень обрадовался. А он положил чай в сетку, взял оттуда две конфеты «Белочка» и протянул мне:

— Вот, — говорит, — возьми, мальчик!

Я ему говорю:

— Зачем, мне не надо!

А он опять:

— Бери, бери, мальчик. Ты заработал. Это твоё.

— Почему заработал? — удивился я. — Я совсем не хотел зарабатывать ваши конфеты.

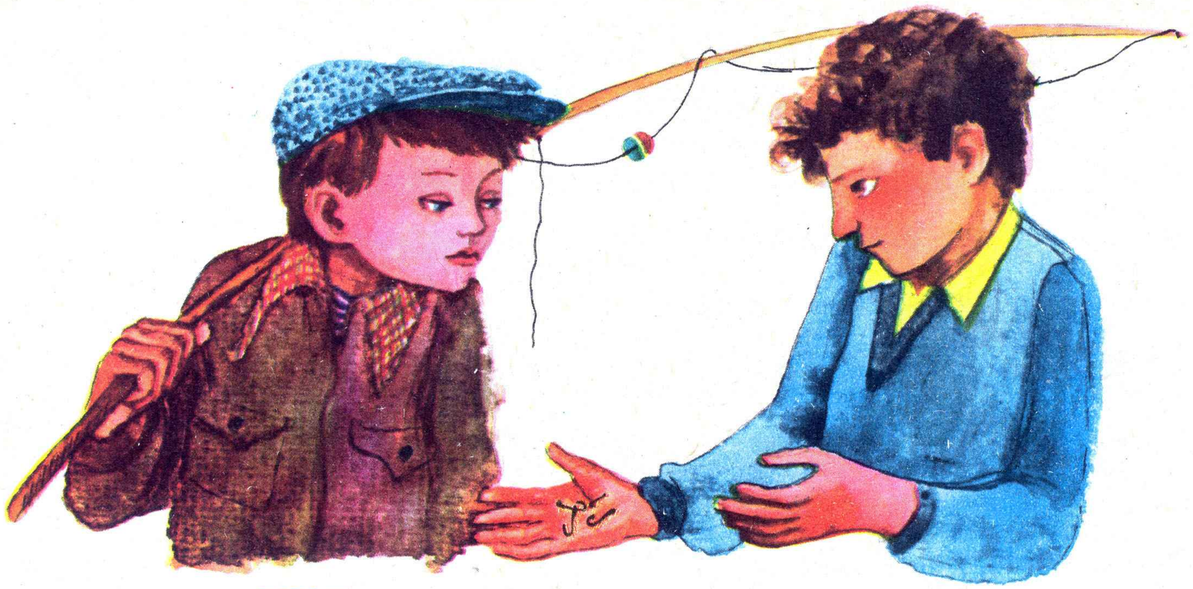
Лицо у дяденьки вытянулось вверх, а очки поползли вниз, и он говорит:

— Какой ты невежливый! Бери, когда дают!

— А если мне не хочется брать? — опять сказал я.

Тогда он с размаху бросил конфеты в свой кулёк и пошёл, и даже ничего мне не сказал.

Чудной какой-то дяденька мне попался. Как будто если ты сделал что-то хорошее, так уж за это и платить надо!



КРЮЧКИ

Генка от меня через улицу живёт. Он у меня и книжки берёт читать, и так просто мы играем.

У Генки фонарик есть.

Я говорю:

— Генка, дай мне фонариком посветить.

А он говорит:

— Знаешь, я бы тебе дал, только в нём батарейка кончилась, я её всю иссветил.

А потом мы с ним пошли ловить рыбу. Ловили-ловили, я наловил ведёрко, а он одного окуня да двух пескарей. Нахмурился, будто я виноват.

— Хватит, — говорит, — ловить! Пошли домой!

Я сказал:

— Погляди за удочками. Я пойду в лес, удилище срежу.

Лес рядом, за спиной, только на кручу залезешь — и лес. Вернулся, спрашиваю:

— Не клевала?

Он всё так же сердито говорит:

— Одна поклевала, да ушла.

Я вынул одну удочку — нет крючка. Стал вынимать другие — на всех нет крючков. Я гляжу на Генку, сам не знаю, что такое получилось. А он объясняет:

— Щука отгрызла!

Делать нечего, стал я сматывать бескрючочные удочки. Он свои ещё раньше смотал и стоит смотрит на меня. У меня, должно быть, очень жалкий вид был. Генка подошёл ко мне и протянул отрезанные крючки.

Я, конечно, и так бы догадался, что он отрезал. И уж тогда бы я ему не простил ни за что. Но он ведь сам признался.

А по дороге домой сказал мне:

— Приходи вечером, я тебе дам фонарик. Кажется, там не вся батарейка кончилась.

КОГО Я ЛЮБЛЮ

Александра Степановна задала нам писать сочинение. Она сказала, чтобы мы написали о своём самом любимом человеке. А как быть, если у меня не один любимый человек, а их много?

Я люблю, например, дядю Сергея. Он кузнец. Мне нравится кузница, как там работают. Дядя Сергей всё умеет. Он и плуги починяет, и коней подковать может, и какая бы работа ни появилась, он справится.

А ещё я люблю агронома дядю Ваню. Он меня на своём мотоцикле катал. Весной у него в карманчике самые первые подснежники с поля. А летом он привозит в правление толстые колоски пшеницы, и я видел, как он ими любуется, показывает всем и радуется, будто он сам их из чего-нибудь сделал.

Ещё люблю киномеханика дядю Володю. Он привозит к нам в клуб интересные кинокартины. Перед началом кино он всегда мотает ленты. Они хорошо пахнут — леденцами. Особенно хороший запах, когда лента порвётся и дядя Володя её склеивает. У него такой пахучий есть клей!

Библиотекарь Анна Михайловна мне тоже нравится. Сколько у неё книжек! Вот бы все прочитать! Больше всего я люблю читать про полёты на другие планеты и вообще фантастические книги и книги про ребят.

Очень хорошая у нас пионервожатая Светлана Андреевна. Когда мы нашли в лесу ежа, она так испугалась и крикнула, что думали — он её укусил. Она ведь всё время жила в городе и никогда не видела настоящих лесных ежей, которые бегают в траве. А ещё Светлана Андреевна знает много песен, игр, и очень весёлая она.

Врачей я вообще не люблю. Они то колют, то царапают, то лезут в рот невкусной ложкой. Но всё-таки наш детский врач Любовь Никаноровна хорошая. Она вылечила и Туську, и меня, когда мы болели корью.

Люблю я ещё Туську, и папу, и маму, и бабушку люблю.

Тут я решил поставить точку. Чтобы поменьше было ошибок. Да и вообще пора другие уроки делать. А то можно было бы ещё много писать.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

ОРДЕН ЛЕНИНА

Дорогой октябрёнок! Давай решим один пример. Пример не простой, а торжественный. От 1977 отнимем 1917. Сколько получилось? 60.

Сейчас 1977 год. А в 1917 году совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Значит, 60 лет наш народ живёт при Советской власти.

Шесть десятков — круглая дата, юбилейная. Люди отметят её праздником. И ещё отметят ударным трудом.

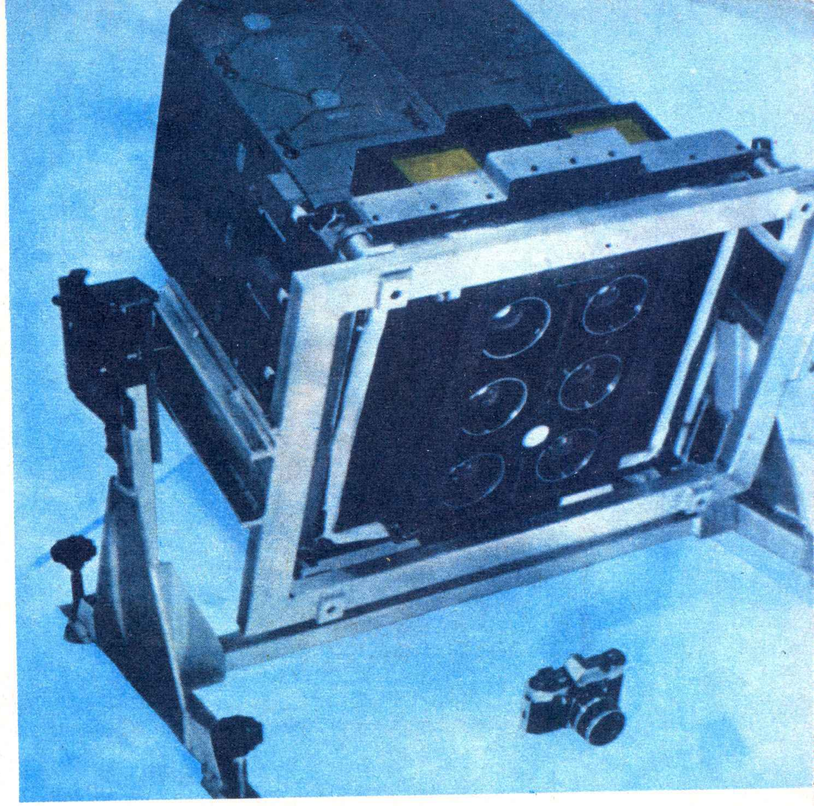
У человека мускулы крепнут в работе. И страна становится сильнее, когда все хорошо исполняют свою работу. Но есть люди, которые на работе совершают подвиги. Родина награждает их орденами.

Самый высокий орден — орден Ленина. Владимир Ильич создал Коммунистическую партию и Советское государство, он руководил революцией. Поэтому главный орден и назван его именем.

Красив этот орден! В середине золотой силуэт Ленина. Сверху красное знамя. Снизу полукругом колосья пшеницы. Среди колосьев серп и молот и пятиконечная звезда.

Не надо выбирать какую-то особую работу, чтобы заслужить орден Ленина, — ты увидишь его на груди сталевара, тракториста, ткачихи, доктора, лётчика, писателя, учёного — надо только работать и работать во славу Родины.

КРАСКИ ЗЕМЛИ



В. ГУБАРЕВ

Земля из космоса выглядит очень красиво. Видны материки, океаны, облака. Но «портреты» нашей планеты нужны учёным не для того, чтобы ими любоваться: они помогают им лучше узнать Землю, дом, в котором мы живём.

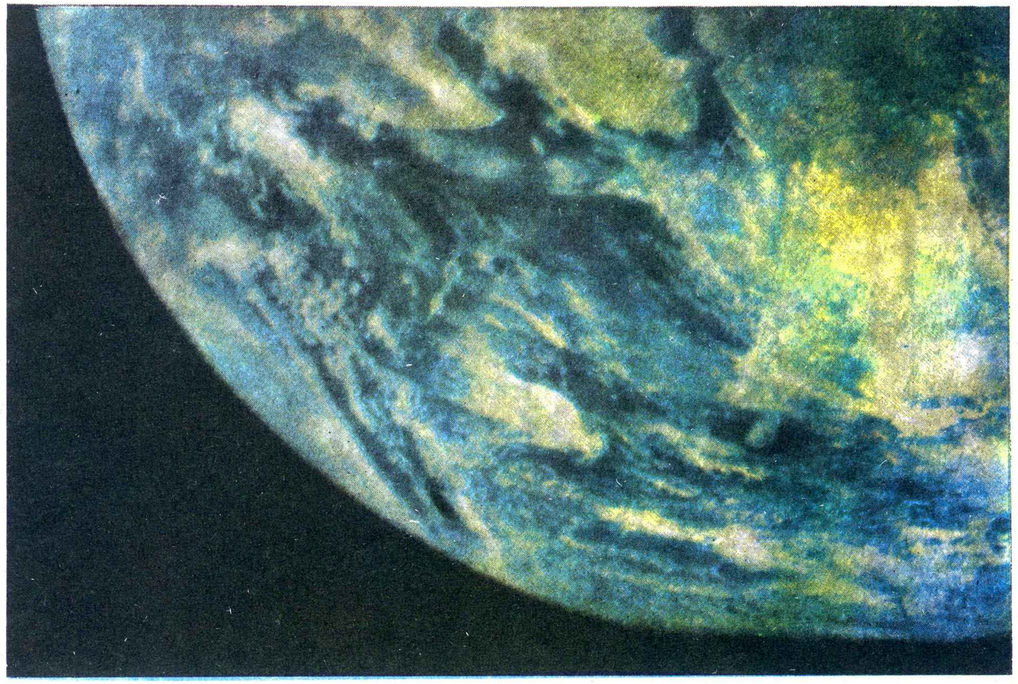
На фотографиях лес — красный и коричневый, луг — жёлтый, поля — тёмно-серые. Именно такие непривычные цвета и нужны учёным, чтобы они могли, лишь взглянув на снимок, узнать о лесе или о поле всё. К примеру, на сером фоне появляется тёмное пятно. Значит, пшеница, которая здесь растёт, заражена вредителями — именно в «тёмном» месте находится очаг болезни. Если быстро принять меры, то поле будет спасено.

Сосновый бор, окружённый со всех сторон лиственными лесами, выделяется красным цветом. По фотографии нетрудно подсчитать, сколько именно в этом районе сосны, ели и лиственницы.

Необычные снимки, не правда ли? Они сделаны с помощью специального фотоаппарата с борта космического корабля «Союз-22», на котором летали в сентябре 1976 года Валерий Быковский и Владимир Аксёнов.

По сравнению с полётами орбитальных станций «Салют», где космонавты живут один-два месяца, «Союз-22» находился в космосе сравнительно недолго — всего восемь суток.

Станция «Салют» — это своеобразный научно-исследовательский институт. Более 150 экспериментов проводят на нём космонавты. Они изучают Землю, следят за



состоянием погоды, исследуют звёзды и Солнце.

На «Союзе-22» было всего 14 научных экспериментов, но самый главный из них — фотографирование земной поверхности камерой, созданной советскими и немецкими специалистами. Этот фотоаппарат изготовлен на народном предприятии «Карл Цейс Йена» в Германской Демократической Республике, непохож на привычные нам «Зенит» или «Киев». У него шесть объективов. Снимают они одновременно, но после проявления плёнки шесть кадров совмещаются в один.

Можно сравнить работу прибора с игрой футбольной команды. Есть в ней вратарь, защитники, нападающие, полузащитники. Во время матча каждый игрок выполняет свою задачу, но побеждает команда — все вместе. Так и в полёте МКФ-6 (так называется фотоаппарат) делал снимки в разных зонах спектра, а потом, после обработки, объединённые вместе, они стали незаменимыми для учёных. Эти фотографии нужны лесникам, чтобы они могли подсчитать запасы лесных богатств. Геологам они подскажут, где нужно искать месторождения полезных ископаемых. Гидрологам — полноводны ли реки в нашей стране и не загрязнены ли они промышленными отходами. Специалисты сельского хозяйства узнают о состоянии полей, их влажности, не заражены ли они вредителями. Короче говоря, специалистам многих земных профессий окажутся полезными снимки из космоса, сделанные В. Быковским и В. Аксёновым.

Валерий Федорович Быковский — один из самых опытных советских

космонавтов. К своему первому полёту он начал готовиться вместе с Юрием Гагариным. На корабле «Восток» летом 1963 года Быковский установил рекорд продолжительности полёта: в космосе он находился пять суток. До своего второго старта Быковский принимал участие в управлении полётами кораблей, готовил экипажи к встрече с космосом.

Владимир Викторович Аксёнов тоже ветеран космонавтики. Он работал в конструкторском бюро, которое возглавлял академик Сергей Павлович Королёв. И в первых спутниках, и в кораблях «Восток», «Восход» и «Союз» есть системы и приборы, разработанные Аксёновым. С 1973 года он в отряде космонавтов.

Когда «Союз-22» пролетал над Байкалом, бортинженер включил фотокамеру. В Центре управления полётом находились и немецкие специалисты. Они с нетерпением ждали первых сообщений с орбиты, ведь изготовленная ими МКФ-6 впервые оказалась в космосе.

«Ястребы» — это позывные Быковского и Аксёнова — выходят на связь.

— Облачность небольшая, — сообщает «Ястреб-1», — видимость великолепная.

— Камера работает нормально, — сообщает «Ястреб-2», — снимаем район Байкала.

— Под нами горная местность, — говорит Быковский. — Просматриваются горы, озёра, реки.

— На МКФ-6 всё, всё работает, — добавляет Аксёнов.

В Центре управления звучат аплодисменты. Советские и немецкие специалисты, создававшие камеру, поздравляют друг друга.

Несколько раз из космоса фотографировалась трасса Байкало-Амурской магистрали, будущей железной дороги, которая пересечёт один из самых суровых краёв нашей Родины. Здесь среди болот и тайги, бурных рек и высоких гор хранятся огромные запасы полезных ископаемых, но они недоступны людям, так как нет дорог. БАМ откроет сибирские кладовые, возникнут новые города вдоль трассы, поднимутся заводы-гиганты. Но где их лучше построить? На этот вопрос помогут ответить и снимки из космоса, сделанные Быковским и Аксёновым... сверху лучше видно...

Недолго продолжался полёт «Союза-22», но польза от него огромная. Почти 15 тысяч снимков сделали космонавты. Кроме этого, они провели тщательное испытание новой фотоаппаратуры, которая, без сомнения, теперь будет регулярно подниматься в космос и на борту кораблей, и на орбитальных станциях.

Многие научные проблемы решают вместе учёные социалистических стран. И в исследованиях космоса они работают сообща: уже десять лет существует программа «Интеркосмос». Много экспериментов провели они на искусственных спутниках Земли, и вот теперь сотрудничество расширилось — и на космических кораблях устанавливается их аппаратура. А теперь к полётам они начинают готовиться вместе с советскими космонавтами.

Владимир Викторович Аксёнов после возвращения на Землю сказал своим друзьям:

— Можно долго рассказывать, как красива Земля из космоса, но представить это невозможно, нужно увидеть самому, и поэтому я мечтаю о новом полёте.

Рис. Л. ТОКМАКОВА

БУКАШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Увидела Муха Букашку и говорит ей:

— А ну-ка обойди кругом всю землю! А потом расскажешь, что за люди в далёких странах живут. Какие там реки, горы, озёра.

— Хорошо, — сказала Букашка и отправилась в путь.

Вышла она из дома, а тут лужица у ворот. У лужицы круглый камень лежит с дыркой посредине — старый якорь охотников за моржами. А чуть дальше китовая кость валяется.

Заползла Букашка за круглый камень и подумала: «Вот серый холм и белая гора — куда ж мне ползти? Если на земле таких гор и холмов много, мне не обойти землю кругом. Обойду вокруг этого холма и вернусь домой».

Ползёт Букашка вокруг камня с дыркой, а на пути — лужица. «Ого, какие озёра на земле попадаются!»

Вдруг навстречу ей большой Жук ползёт. Увидел он Букашку и говорит:

— Скажи спасибо, что я сыт! Недавно такую букашку, как ты, съел.

Испугалась Букашка и скорей побежала домой.

— Ну что? — спрашивает Муха. — Расскажи, где была, что видела?

— Всю землю кругом обошла! — сказала Букашка. — Море огромное видела. Крутую скалу с дыркой посредине. Высокий холм. Да что там холм! На берегу моря столько медведей бродит — один меня чуть не съел!

Засмеялась Муха:

— Ну и врунья ты, Букашка! Маленькая лужица у тебя морем стала. Старый якорь охотников на моржей в скалу превратился. Китовая кость — в целый холм. А Жук у тебя Медведем стал. Я всюду летаю, всё вижу!

Стыдно стало Букашке, опустила она голову и уползла прочь.

КАК ЛИСИЧКА БЫЧКА ОБИДЕЛА

Шла однажды Лисичка по берегу моря. А Бычок, рыбёшка морская, высунулся из воды и стал Лисичку разглядывать.

Увидала Лисичка Бычка и запела:

Бычок, Бычок, пучеглазый,
Бычок, Бычок, большеротый,
Бычок, Бычок, колючий бочок!

А Бычок ей говорит:

— А ты косматая, и глаза у тебя круглые! И в море ты жить не можешь!

Заплакала маленькая Лисичка и побежала домой.

Лиса-мать спрашивает:

— Кто тебя обидел, доченька? Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Меня морской Бычок обидел. Наговорил мне, что я косматая и глаза у меня круглые.

А Лиса спрашивает:

— А ты ему ничего не говорила?

Лисичка говорит:

— Сказала.

— Что ты ему сказала? — спросила Лиса.

— А я ему только сказала, что он пучеглазый да большеротый.

— Вот видишь, — сказала мать Лисица, — ты первая его и обидела.

Эскимосские сказки
записал профессор Г. А. МЕНОВЩИКОВ,
пересказали Вл. ГЛОЦЕР и Г. СНЕГИРЁВ

В. КОРЖИКОВ

В который раз,
Который год
Мне море
Воли
Не даёт!

Я повернусь к нему
Спиной,
Я от него —
Оно за мной!

Я больше в море
Не хочу,
Я укачу,
Я улечу!

Я обегу
Весь шар земной,
Оно опять —
За мной, за мной!

Я схоронюсь
Среди тайги
В глуши,
Почти что у Яги,

А море
Словно за кормой
Вдруг зашумит:
«Ты мой, ты мой!
Вон, видишь,
Синяя вода,
Просторы,
Пальмы,
Города...»

И я сдаюсь —
В полёт, в полёт!
Бегу,
Сажусь на самолёт,
Лечу и вижу:
Побрели
По горизонту
Корабли.

Вон порт,
Вон краны,
Мачт леса...
И паруса! И паруса!

О чём это спорит
Народец подводный,
Народец подводный,
Голодный, голодный?

А он рассуждает
О поваре Васе,
О том, что у Васи
Сегодня в запасе.

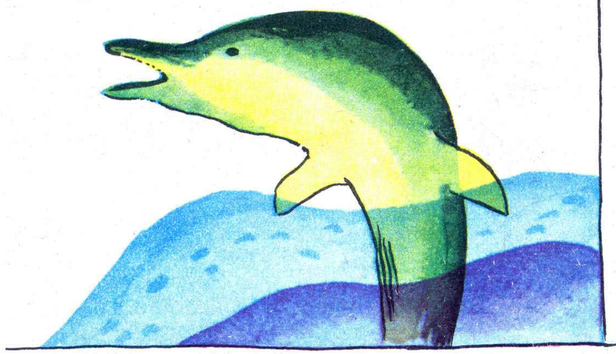
«Остатки от супа,
Наверное, наши.
Затем на второе
Остатки от каши...»

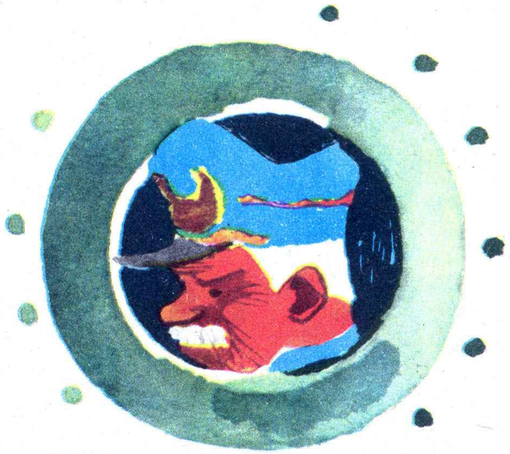
Ещё ожидает
И третьего
Кто-то,
Да жаль, не бывает
Остатков компота.

А что это, братцы,
Горя галунами,
Так весело мчатся
Дельфины
За нами?

Конечно, дельфины
Узнали по хрусту,
Что повар
На кухне
Шинкует
Капусту.

И мимо винтов
Пролетают вприпрыжку —
И каждый готов
Заслужить
Кочерыжку!





ПТИЦЫ

Дни за днями,
Дни за днями
Ни травинки перед нами.
Лишь уходит вал зелёный
От обшивки раскалённой.

Только вдруг,
Устало клича,
В небе
Жарком
Стая птичья!
К нашей мачте подлетая,
Словно стонет
Птичья стая.

Задыхается, садится:
— Разрешите приземлиться,
Отдохнуть у вас немного.
Очень дальняя дорога... —
Капитан глядит нестрого:
— Подвезём друзей немного. —
И несёт с водою блюдце:
— Очень жарко. Пусть напьются.

Он гостей вспугнуть боится,
Он на цыпочки ступает.
Ничего не слышат птицы.
Засыпают,
Засыпают...

Рис. В. ЧАПЛИ

Литография В. ДУВИДОВА к сказке К. ЧУКОВСКОГО „Доктор Айболит“

ПЛАВАНИЕ НА «ОДУВАНЧИКЕ»

Юрий КОВАЛЬ, рисунки автора

Фото В. УСКОВА

МОРСКОЙ ВОЛК

В детстве мечтал я иметь тельняшку... и зуб золотой. Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блестел, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и говорили:

— Это — морской волк.

Я расстёгивал воротник и надевал зуб, как только выходил на улицу. Зуб был велик мне — «не по зубам». Чтоб он не сваливался, я придерживал его языком и почти всё время молчал, но с блеском улыбался.

ПЛАВАНИЕ НА „ОДУВАНЧИКЕ"

Достать тельняшку и золотой зуб было невозможно.

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он играл на барабане в кинотеатре «Спартак». Все верхние зубы были у него золотые, а нижние — серебряные. Иногда в такт музыке он скрипел зубами, отчего нервные девушки падали в обморок.

Витя Котелок подарил мне шикарный медный зуб и отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника.

По вечерам большие ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли...

Сумерки спускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой. Распахнув пошире воротник, я раскачивался по-матроссски и обдумывал, когда же отправиться мне в «кругосветку».

В тот день, когда я пришил к майке треугольный кусок тельняшки, я почувствовал себя морским волком.

САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

Я чувствовал себя морским волком, который засиделся на берегу.

Я должен был бороздить волны морей и океанов, а вместо этого ходил в школу, учился в институте, работал учителем, писал книжки для детей. Эти сухопутные занятия бывали порой интересны, но я ни на секунду не забывал, что только временно нахожусь на берегу. Чтоб подтвердить это, я никогда не снимал тельняшки.

Иногда приходилось мне плавать. Плавал по Чёрному морю на военном корабле, плавал в Ладожском и Онежском озёрах, но это были не те плаванья. Я плавал то пассажиром, то корреспондентом, а я-то был морской волк.

Когда Тур Хейердал переплыл на своём плоту «Кон-Тики» Тихий океан, я заволновался.

— Тур плавает, а я дома сижу, — укорял я себя. — Эдак совсем ракушками обрасту. Пора!

Я совсем уж собрался в плаванье, но не было подходящего судна. Не было даже простой лодки с мотором. Был штурвал с рыболовного сейнера, штурвал без одной рогульки.

— Да купи ты резиновую лодку и плыви, — советовали друзья.

— Мне нужно судно, а не надувное корыто.

К этому времени я понял, что никогда не буду капитаном океанского лайнера. Купить яхту или моторную лодку казалось мне неинтересно, строить плот — слишком обычно. Хотелось придумать что-то своё.

И вот как-то ночью — это было зимой — пришла мне в голову простая мысль: я построю лодку, самую лёгкую в мире.

БАМБУКОВАЯ ЗИМА

— Ты знаешь, — сказал я своему другу художнику Виктору Белову, — я построю лодку, самую лёгкую в мире.

— А сколько она будет весить? — спросил Белов.

— Килограммов семь. Я должен её нести одной левой.

— А сколько она должна поднимать груза?

— Двести, — наобум сказал я.

— Без бамбука тебе не обойтись, — сказал Белов. — Такая лодка может быть только из бамбука.

— Надо купить триста бамбуковых удочек, и дело с концом.

— А потом вынимать удочку из бортика и рыбу ловить? Нет, удочки — это несерьёзно, прутики. Тебе нужны не удочки, а бамбуковые брёвна.

— Да где ж их взять?

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Чуть не каждый вечер разыгрывалась метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал и почти ко всем знакомым приставал с просьбой достать мне пару бамбуковых брёвен. Мне советовали то купить удочку, то ехать в Сухуми, то писать письмо в Японию. Один приятель подарил мне коготь бамбукового медведя.

ПЛАВАНИЕ НА "ОДУВАНЧИКЕ"

Постепенно разошёлся по Москве слух, что есть человек, который ищет бамбук. Неизвестные люди звонили мне:

— Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по разным адресам, но всюду находил удочки или лыжные палки.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» и Виктор Белов.

— Милиционер Шура толковал что-то о бамбуке, — сказал мне как-то Белов.

— Какой милиционер Шура?

— Какой-то милиционер-Шура-художник видел где-то бамбук.

— Что за Шура? — не понимал я. — И кто он — художник или милиционер?

— Сам не пойму, — сказал Белов. — Вроде он и то и другое. Я его сам не знаю, мне рассказали, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура, он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что тебе нужно.

— То есть бамбук?

— Не знаю. Этот Шура и сам не поймёт, что он видел. Видел, что из подвала торчат брёвна с дыркой в сердцевине. Но в подвале этом темно, а брёвна такие грязные, что ничего не разобрать.

— Так что мы сидим? Поехали на Сретенку.

— Погоди, погоди, надо с этим Шурой познакомиться и договориться.

Несколько дней через друзей договаривались мы с Шурой. Наконец нам сообщили, что милиционер - Шура - художник будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

БАМБУК ИЛИ ГРАММОФОН?

К ночи разыгралась метель.

Поднявши воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Беловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто — мороз разогнал народ по домам. Иногда проходили троллейбусы, совершенно замороженные изнутри. На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в огромных валенках.

Мы остановились шагах в десяти, не решаясь подойти ближе.

— Не знаю, как с ним разговаривать, — шепнул я Белову, — как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

— Вы что тут ищете? — спросил милиционер.

Мы как-то растерялись, и я ляпнул:

— Бамбук.

— Ну тогда пройдёмте, — сказал милиционер, повернулся к нам спиной и направил свои валенки в переулок. Он шагал быстро, рассекая метель, взрывая сугробы. Скоро он свернул в низкорослую подворотню, вошёл в подъезд, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной каморке. На столе стояла электрическая плитка и неожиданный старинный граммофон. К стенам прислонены были картонки и фанерки, измазанные краской. Никакого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер, не снимая шапки, включил плитку, поставил на неё чайник.

— Это моя мастерская, — солидно сказал он.

— Мало метров, — живо откликнулся Белов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы.

«А где же бамбук?» — хотелось сказать мне, но я сдерживался.

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. Стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком и не пахло.

Меж тем милиционер всё больше превращался в художника, он уже снял шапку и размахивал руками, как это делают живописцы. Белов хвалил этюды, а я маялся, вопрос «Где бамбук?» крутился у меня в голове.

— Ты что молчишь как окунь? — шепнул Белов.— Хвали этюды.

— Отличные этюды, — сказал я. — Сочные-то какие, а?! Здорово! Но где же бамбук?

— А зачем вам бамбук? — строго спросил милиционер-художник, на глазах превращаясь в милиционера. — Для каких целей вам нужен бамбук? — Вопрос этот был задан столь серьёзно, как будто в желании иметь бамбук заключалось что-то преступное. Он как бы прикидывал, не собираемся ли мы этим бамбуком как-нибудь нарушить общественный порядок.

Виктор Белов сбивчиво объяснил, в чём дело, не забыв при этом ещё похвалить этюды. Милиционер-Шура-художник-любитель немного смягчился.

— Да бросьте вы, ребята, этот бамбук, — неожиданно сказал он. — Хотите, я вам граммофон отдам?

Такое предложение просто ошарашило меня.

— Да зачем же нам граммофон? Нам бамбук нужен.

— Берите граммофон. Пружину вставите и будете играть. А бамбук — ладно. Потом как-нибудь и бамбук достанем.

Я растерянно поглядел на Белова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось взять граммофон. Я перевёл взгляд на милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

— Хороший граммофон, — пояснил милиционер, всё больше превращаясь в художника. — Мне его одна бабка перед смертью подарила. Смотрите, какая труба.

— Давай и граммофон и бамбук, — не выдержал Белов.

— Не много ли? — сказал Шура, и взгляд его снова двинулся в милицейскую сторону.

— Погодите! — вскипел я. — Какой ещё граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать!

— Да на улицу выходить неохота, — признался милиционер-художник. — Надоела эта метель, совсем замёрз на посту. Ну ладно, раз обещал — покажу. А граммофон сам починять буду.

ПРОВАЛ

После полуночи метель ещё усилилась. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками. Я сразу замёрз, но всё время веселился про себя, мне казалось смешно — вот так ночью, в метель идти по морозной Москве за бамбуком. Белов отставал, кажется, его тормозил оставшийся сзади граммофон.

— Я не уверен, что это бамбук, — говорил милиционер-художник. — Торчит что-то из подвала, [illegible] деревянные трубы.

— Вот видишь, — шептал Белов сердито, — надо было брать граммофон. Вечно ты суёшься со своим бамбуком.

Я молчал. «Бамбуковая» болезнь сменилась у Белова «граммофонной», я надеялся только, что скоро это пройдёт.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трёхэтажному дому. Окна его были темны, в некоторых не было стёкол, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнёзда.

— Дом скоро снесут, — сказал Шура-милиционер, — жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен черноватый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Белов шагнул вперёд и остановился.

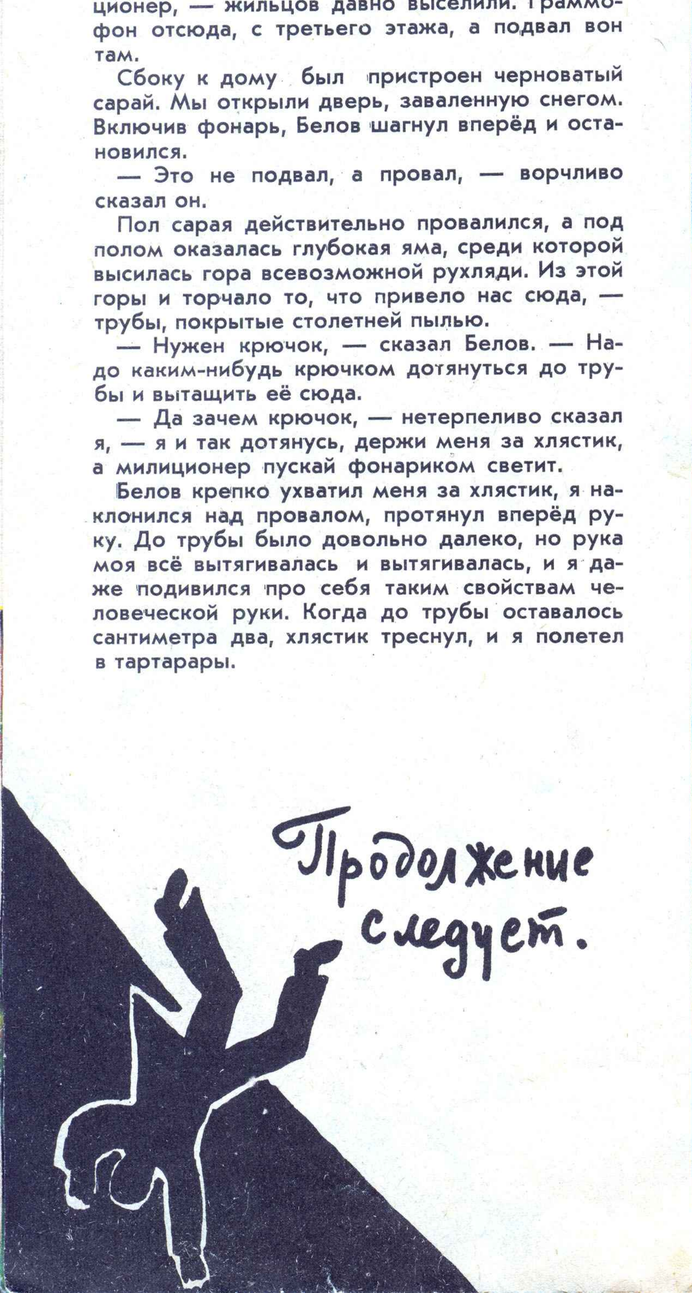
— Это не подвал, а провал, — ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, среди которой высилась гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда, — трубы, покрытые столетней пылью.

— Нужен крючок, — сказал Белов. — Надо каким-нибудь крючком дотянуться до трубы и вытащить её сюда.

— Да зачем крючок, — нетерпеливо сказал я, — я и так дотянусь, держи меня за хлястик, а милиционер пускай фонариком светит.

Белов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперёд руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя всё вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился про себя таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сантиметра два, хлястик треснул, и я полетел в тартарары.



Э. СЕЛЕЛЁНИС

ДЮНЫ И СОСНЫ

Соснами берег песчаный зарос.
Кто эти сосны на дюны занёс?
Может быть, это морская вода
Их принесла, заманила сюда,
Чтобы у моря и ночью и днём
Сосны стояли в дозоре своём.

НА КАТКЕ

Я коньки надеть
Хочу.
Словно ветер
Полечу.
Унесусь я,
Встав на лёд,
Зимней ласточкой
В полёт.
Что хотите
Вы, друзья?
Отойдите
От меня.
Бах — и на спине
Качусь!
Но кататься
Научусь...

Перевела
с литовского
З. АЛЕКСАНДРОВА

Рис. Л. НИЖНЕГО

СНЕЖНЫЕ БАБЫ

Много их, в платочках белых,
С угольками вместо глаз,
Снежных баб заиндевелых,
На большом дворе у нас.

Школьной шумной перемены
Ждут, скучая до звонка...
— Мы вернёмся непременно,
Подождите нас пока...

То ребятам в классы надо,
То ребята тут как тут.
И опять под снегопадом
Бабы снежные их ждут.

Без друзей своих скучая,
На морозе, на ветру
Каждый день они встречают,
Провожают детвору.

НА ВЯТКЕ-РЕКЕ

С. РОМАНОВСКИЙ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Отец пришёл с мороза и еле выговорил:

— Вот вам и Новый год!

— Мороз? — сочувственно спросила мать.

— Калит. Дышать нечем.

На печи, где прятались от мороза дети — старший Олег и младший Игорь,— было жарко. Но от отцовских слов они озябли, от того, как он раздевается и не может раздеться, как протягивает к огню в красное зевло печи негнущиеся пальцы и повторяет:

— Вот вам и Новый год!

Отец увидел детей на печи и спросил:

— Соскучились?

Они бровями зашевелили, соскучились, мол, да ещё как.

— Учиться в эти дни не придётся,— говорил отец. — Я только что из Слудки, на тракторе приехал. На школе белый флаг висит: никакой учёбы.

И ещё сказал отец:

— В школе детям подарки давали...

— Что не привёз? — загорелись ребята. — Привёз бы по пути!

— Школа была закрыта. А учительницу разыскивать мне некогда было: трактор остывал, — ответил отец.

А мать прибавила:

— Потеплеет — все подарки ваши будут.

В эту ночь дети долго шептались на печи. Какие подарки им приготовила школа? Конфеты, пулемёт или автомат? Бывают же такие автоматы: нажмёшь на спуск, слышится трескоток, а в стволе, будто вспышка от выстрела, загорается лампочка.

— Стрелять-то мне больно охота, — говорил Игорь. — Терпения нет.

Олегу тоже хотелось стрелять, но он крепился и поучал:

— Стрелять без разбора не годится.

— Как это? — спрашивал Игорь.

— Вы будете спать или нет? — прикрикнула мать из темноты.

К утру мороз будто бы ослаб. Синели окна в толстых шубах инея, от печки по избе ходили тёплые токи. В полном сборе семья рано позавтракала. Дети дождались, когда родители уйдут на работу, оделись потеплее и пошли в Слудку за подарками. До Слудки всего пять километров, но если срезать путь по лесной тропочке, то неполных три, и дети надеялись вернуться домой к обеду.

С большака они свернули на тонкую тропочку. В лесу, что постанывал от мороза, она стала ещё тоньше, а потом пропала.

Летом они много раз бегали по этой тропке, и она не пропадала. А сейчас, зимой, в снегу, всё было неузнаваемым, и дети прислушивались к снежной тишине. Вот она взорвалась хлопаньем крыльев огромной бело-чёрной птицы, что взлетела с дерева и окатила путников снегом. И опять тишина. Страшно? Да не очень. Это сорока взлетела. Из-за клуба снежной пыли показалась ребятам великаншей. Куда идти? На солнце — там Слудка. А солнца-то и нет —

всё небо в низких серых тучах. Всё равно надо двигаться — не стоять же на морозе.

Земля круто пошла под гору, и дети стали спускаться — впереди нетерпеливый Игорь, а за ним Олег. Вдруг Игорь исчез, как сквозь снег провалился. Только вспыхнула снежная дымка и опала. Олег подбежал к обрыву и заглянул вниз. Сначала он ничего не увидел, кроме белизны, а потом разглядел, как у подножия обрыва в снегу барахтается Игорь.

Что с ним? Не ушибся ли он? Как ему помочь?

Олег подался вперёд. Хрупкая на морозе ветка, за которую он держался, сломалась, оторвалась от ствола сосны, и мальчуган покатился вниз. Его понесло по крутосклону, с разлёта кинуло в сугроб, и снег, как озеро, сомкнулся над его головой. Он долго выкарабкивался, выплывал на свет, а как выплыл, то не мог отдышаться. Отдышался, собрался с силами, выволок брата на мелкое место и огляделся.

Кругом лежала широкая, в застывших гребнях снега равнина — река Вятка зимой. Вон куда их занесло! Теперь домой надо торопиться, пока не замёрзли, а не в Слудку: до дома ближе.

Дети шли по Вятке, там, где снег был помельче и ступать было легче. От мороза больно было дышать, слипались ноздри, и казалось, будто идёшь ты по холоду в одной рубашке.

До дому бы успеть, до тепла.

Под берегом дети увидели бакенку — избушку бакенщика.

Бакенка была пуста, промёрзла насквозь, но в устье потрескавшейся печки Олег нашёл коробок со спичками. Он собрал всё, что могло гореть, — сам коробок, щепки, поленья, — сложил всё это грудой, зажёг, и в печи затеплилось слабое, как крыло бабочки, красное пламя. Братья подставляли ему лица и тянули в одно дыхание:

— Тепло-ооо...

Кто это?

Людей набилось в бакенку много, знакомых и незнакомых, а впереди всех отец с матерью.

Завернули они братьев в тулупы, в косматое и душное тепло, и понесли к трактору.

— Мы вас по следам нашли. Да по дыму над бакенкой!

На тракторе детей привезли домой, напоили чаем с малиной, уложили спать на печи. Когда они проснулись, услышали разговор родителей.

— Вот вам и Новый год, — говорил отец. — С крыш каплет.

А мать первая увидела детей и всплеснула руками:

— Глаза-то какие ясные!

— Папа, — подал голос Игорь, — а из Слудки подарки ты нам привёз?

— Привёз, как не привёз, — ответил отец.

Детей с печи как ветром сдуло. Затаив дыхание, они рассматривали зелёный с чёрными гусеницами игрушечный трактор, похожий на трактор отца, осторожно дотрагивались до нахолодавшей жести.

Крошечным ключом Олег завёл пружину. И трактор, постукивая гусеницами, долго ползал по горнице.

— А автомат? — вспомнил Игорь.

— Какой автомат? — не понял отец.

— Который строчит и с лампочкой...

— Не слыхал я про такой подарок,— ответил отец. А мать прибавила:

— Детоньки, да господь с ним, с автоматом! По мне, так трактор лучше. Без него и хлеб не вырастишь, и в распутицу далёко не уедешь. Садитесь за стол. Будем ужинать. Как же так — Новый год и без ужина?

— Нет, — сказал Олег. — Мы его с ужином встретим. Честь по чести.

За столом отец и мать молча улыбались. Игорь, обжёгшись щами, вытирал слёзы...

Владимир Лифшиц

КОТ-ОГОРОДНИК

Рисовал В. Дмитрюк

Как на горке на горе
Стоит домик во дворе.
В этом домике живёт
Очень странный рыжий кот.
Очень странный рыжий кот
В этом домике живёт,
В рот мясного не берёт,
А разводит огород.
В огороде у кота —
Гляньте, что за красота! —
Свёкла, брюква, сельдерей,
Просто лук и лук-порей.
Говорят ему коты:
— Слушай, кот!
А кот ли ты?..
Нет, наверно, ты не кот,
Раз разводишь огород. —
Кот котам не отвечает,
Кот котов не замечает,
Поливает сельдерей,
Просто лук и лук-порей.
Вот уже который год
Он разводит огород,
Огородом дорожит —
С колотушкой сторожит.
Он не скуп, наоборот:
Если в гости кто придёт,
Овощами с огорода
Угощает рыжий кот.
Всех за стол садиться просит
И с достоинством приносит
Свёклу, брюкву, сельдерей,
Просто лук и лук-порей.

Рисунок Марины КОЛОМАЦКОЙ

НАШ КОНКУРС

Собираемся в кружок
Зачем собираемся?
А вот зачем:

«МУРЗИЛКА» ОБЪЯВЛЯЕТ НОВЫЙ КОНКУРС

и приглашает всех своих читателей принять в нём участие.

Идёт юбилейный, шестидесятый год Великой Октябрьской социалистической революции. С его началом, как вы знаете, началось большое путешествие октябрят по просторам нашей Родины.

На сказочных самолётах, кораблях, поездах летят, плывут, едут ребята, чтобы побольше узнать о стране, в которой живут, о её славном прошлом, настоящем и будущем, чтобы познакомиться с замечательными людьми — коммунистами, комсомольцами, героями труда и их делами.

Путешествие октябрят не только воображаемое, но и вполне настоящее. Ведь совсем рядом поджидают открытия! Можно узнать, что строится на знакомых улицах сегодня и что будет строиться завтра, побывать там,

Рисунок Светы АБРАМОВОЙ

где работают папы, мамы, старшие братья, увидеть, как изменяется и хорошеет родной край.

Путешествие октябрят — это игра, но игра, которая поможет больше узнать, лучше учиться, крепче дружить, дружнее трудиться. Вот «Мурзилка» и предлагает путешественникам рассказать о том, что видели в пути, с кем познакомились, что сами сделали в помощь старшим. «Мурзилка» приглашает вас, своих читателей, рассказать о том, как учитесь, как играете, как стараетесь расти сильными, крепкими, ловкими и умелыми.

Как рассказать?

В рисунках!

Конкурс рисунков, объявленный «Мурзилкой», называется так же, как и большое ваше путешествие,

ОКТЯБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТЯБРЯ

Путешествие завершается накануне большого и радостного праздника — шестидесятого дня рождения Родины, и наш конкурс, посвящённый этому празднику, закончится к 7 ноября 1977 года.

Соберутся вместе рисунки октябрят со всей страны, и представляете, сколько расскажут они о нашей земле, о её людях, их труде, о вас самих и ваших друзьях!

«Мурзилка» советует объявить конкурс октябрятских рисунков в каждой школе, в каждой группе и звёздочке октябрят. Подводить его итоги в конце каждого этапа вашего путешествия, и рисунки, которые всем покажутся самыми интересными, посылать в журнал. Неплохо, если к рисункам будет приложен ещё и ваш коллективный рассказ, дополняющий то, что нарисовано.

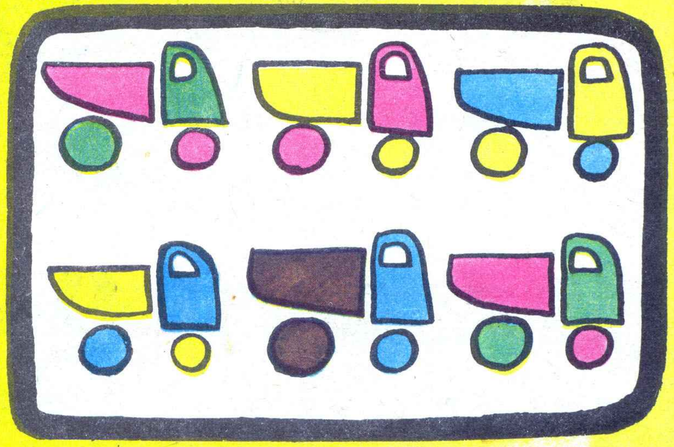
И ещё одна просьба: на конвертах, пакетах, бандеролях не забывайте писать: «На конкурс».

Теперь остаётся только назвать наш адрес:

103030, Москва, Сущёвская ул., д. 21, журнал „Мурзилка“ —

и пожелать всем успеха!

ШЕСТЬ ГРУЗОВИКОВ. Художник раскрасил грузовики по особому правилу. Один грузовик раскрашен не по правилам. Какой?



ДВЕ ЛОДКИ. На гребном канале две лодки. Одна лодка идёт впереди, вторая — отстаёт. Спортсмены устали. Вот Кузнецов уже видит мокрую спину Соколова, а Мельников —

мокрую спину Виноградова. Рулевой Соколов крепче хватается за рулевое весло.
Кто сидит в первой лодке!

Рис. Л. НИЖНЕГО *А. ЛЕЛЬЕВР*

СКОРО-ГОВОРКИ

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

НИЛ ПОЙМАЛ ЛИНЕЙ:
ОДИН МАЛ, ДВА ДЛИННЕЙ.

АРИНА ГРИБЫ МАРИНОВАЛА.

ПРОХОР ЕХАЛ В ХАРЬКОВ,
А ЗАХАР — ИЗ ХАРЬКОВА.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧИ

«Шесть грузовиков». Средний во втором ряду.
«Две лодки». Соколов и Мельников.

А НОВЫЙ ГОД?

Г. ЛАГЗДЫНЬ

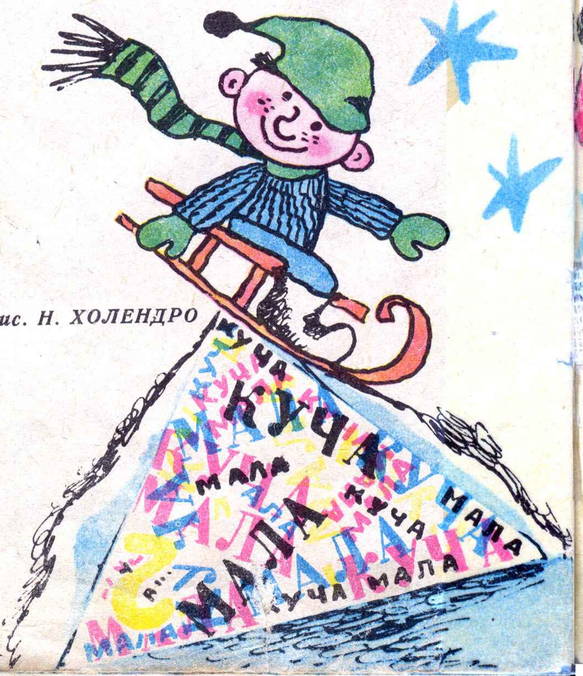
А Новый год уже в пути!
Хоть путь и не короткий,
Придёт к нам праздник
В ноль часов
С завьюженной Чукотки!

ВОРОБЕЙ

А. ТАРАСКИН

— Воробей, чего ты ждёшь?
Крошек хлебных не клюёшь?
— Я давно заметил крошки,
Да боюсь сердитой кошки.

Рис. Н. ХОЛЕНДРО



СЁМКА И МОРОЗ

Е. КУЗНЕЦ

Катается Сёмка на санках с горки. А на дворе стужа. Мороз трещит. Ребята с холоду давно уж по домам разбежались. Только Сёмка никак не может с горкой расстаться. А Мороз сердится на Сёмку: то в рукавицу к нему заберётся, то за щёки его ущипнёт. А Сёмке хоть бы что — знай смеётся! Наконец не на шутку Мороз рассердился — хвать Сёмку за нос и говорит:

— А ну марш домой, непоседа!

— Да как же я пойду! — обиделся Сёмка. — Ты же меня за нос держишь...

Не утерпел тут Мороз, рассмеялся.

— Ну, — говорит, — коли так, катайся себе на здоровье! — и отпустил Сёмкин нос.

С. СКАЧЕНКОВ

ЯСЕНЬ

День морозный, хоть и ясен,
По весне тоскует ясень.

БАБУШКА

Вечно бабушка при Коле,
Словно лодка на приколе.

ЧЁРНЫЕ НОТЫ

На морозе посидели —
Незаметно поседели!

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова (зам. главного редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова (ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
Л. Петрова

Сдано в набор 12/XI 1976 г.
Подписано к печати 1/XII 1976 г.
Формат 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 1916.

Адрес редакции журнала «Мурзилка», ордена Трудового Красного Знамени издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21. Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке
Н. ВОРОНКОВА

Цена 10 коп.

Индекс 70553

Рис. Э. АВАКЯН

Ребята, догадайтесь каким из семи ключей открывается волшебная дверь?